

О киевской сестре Даниила Галицкого Федоре

В статье 1259 г. *Ипатьевской летописи* содержится пространный рассказ об основании Даниилом Романовичем города Холма и сооружении в нём храмов. Поводом ему послужил страшный пожар, случившийся «во Коуремьсиноу рать», в одночасье уничтоживший всю эту красоту Данииловой княжеской резиденции. В рассказе для нас особый интерес представляет время храмового строительства в Холме, участие в нём сестры Даниила Федоры, которая передала из Киева несколько дорогих икон для украшения холмских церквей, а также обстоятельства, при которых она оказалась в Киеве:

оукраси же иконы еже принесе ис Киева . каменъемъ драгымъ . и бисеромъ златымъ . и Спса . прѣтое Бѣѣ иже емоу сестра Федора и вда из монастыра Федора¹.

О времени холмского храмового строительства большой загадки нет. Оно укладывается в рамки 1246–1257 гг. Важным хронологическим маркером начала этих работ является летописное свидетельство о привлечении мастеров из разных стран:

видивъ же се кнѣзь Данило яко Бѣу поспѣвающоу мѣстоу томоу нача призывати . приходаѣ Нѣмцѣ и Роусь . иноязычники . и Лахы идахоу днѣ и во днѣ и оуноты . и мастерѣ всадци бѣжахоу ис Татарь . сѣдѣлници и лоучници . и тоулници . и коузницѣ . желѣзоу и мѣди и среброу².

Уточнение, что все эти мастера бежали от татар, даёт основание полагать, что это имело место не ранее времени возвращения татар из похода на запад — 1242–1243 гг. Ситуация с наличием у Даниила мощной боярской оппозиции после его возвращения из Венгрии и Польши, где он спасался от татар, не даёт основания полагать, что он тут же занялся обустройством своей княжеской резиденции. Вся его земля к этой поре находилась уже в руках бояр. Не случайно летописец отметил, что «богаре же Галичѣстии Данила княземъ собѣ называхоу . а самѣ всю землю держахоу»³.

Восстановлением своей княжеской легитимности в Галичине Даниил занимался несколько лет, но так и не решил этой задачи. Надежда на визит к хану Батыю, состоявшийся в 1245 г., где он рассчитывал получить ярлык на свою «полу отчину» Галичину, не оправдалась. Управление Галичем и его округой татары оставили за собой. Пришлось Даниилу удовлетвориться ярлыком на Волынь, которой он будет управлять с братом. И поскольку стольный город Волыни Владимир был ранее определён Васильку, Даниилу пришлось устраивать на Волыни ещё одну княжескую резиденцию для себя в основанном им ранее небольшом городке Холме. Определённо развернуть храмовое строительство он смог не ранее 1246 г. Завершил его не позже 1257 г., когда в Холме случился страшный пожар.

В украшении холмских храмов Даниил воспользовался помощью сестры Федоры, которая передала ему иконы из монастыря Св. Фёдора и, по видимому, оттуда же колокола. Среди икон, как можно судить по летописному рассказу, были образы св. Спаса, Богоматери и св. Михаила, который один только и уцелел во время пожара:

вдинъ Михаилъ встаса . чюдны⁵ тѣхъ . иконъ . и колоколы прине ис Києва . другия тоу сольє то все шгнь попали⁴.

Так случилось, что в летописеведческих студиях сюжет с упоминанием сестры Даниила Федоры, оказавшейся в Киеве после разгрома его татарами, не получил какого-либо объяснения. А между тем он представляет значительный историко-биографический интерес. В событиях предмонгольского времени несколько раз упоминается безымянная сестра Даниила и Василька, которая была замужем за Михаилом Черниговским. В 1239 г., как свидетельствует *Лаврентьевская летопись*, её в городе Каменце захватил Ярослав Всеволодович, князь суздальский:

Тогож . лѣт . Ярославъ иде г Каменьцю . градъ в за Каменьць . а княгнню Михаилову . со множствомъ полона приведе в своа си⁵.

Своеобразным продолжением известия *Лавр.* является свидетельство *Ипат.*, повествующее о просьбе Даниила к Ярославу Всеволодовичу отпустить к нему сестру, которая и была удовлетворена:

слышавъ же се Даниль . посла слы река . поусти сестроу ко мнѣ . зане тако Михаилъ . вбѣима нама зло мыслить . и Ярославъ оуслыша словеса Данилова . и бы⁶ тако и приде к нима сестра . к Данилоу . и Василкоу . и держаста ю во велицѣ чѣти⁶.

Михаил, после бегства из Киева и неудачного сватовства сына Ростислава к дочери венгерского короля, уехал в Польшу, как уточняет летописец, «ко оуеви своему в Лахы [...] Кондратови»⁷. Оттуда он направил послов к Даниилу и Васильку с просьбой вернуть ему жену, при этом поклялся больше никогда не враждовать с братьями. Даниил и Васильку проявили великодушие, отпустили к нему жену и даже пообещали Киев:

Даниль же и Василко не поманоуста зла . вѣста емоу сестроу . и приведоста его из Лаховъ . Даниль же свѣтъ створи . со брато⁸ си . вбѣща емоу Киевъ . Михаилови⁸.

Ни в одном случае, где упоминается сестра Даниила и Василька, она не названа по имени. В статье 1239 г. *Лавр.* выступает по мужу «княгиня Михайлова». Возникает закономерный вопрос, не она ли и есть та самая сестра Федора, приславшая Даниилу иконы из Киева? Девочкой и вдовой её вспоминают под собственным именем, в замужестве, ожидаемо, называют по имени мужа. Ко времени строительства Даниилом Холма супруг её, Михаил Всеволодович,

был убит в ставке Батгя. Оставшись вдовой киевского князя, она, как это было принято, постриглась в один из женских монастырей Киева, не исключено, что в Андреевский Янчин, и уже в этом новом своём положении оказала помощь брату. Случилось это, определённо, после 1246 г. Когда Даниил Романович проезжал через Киев осенью 1245 г. в ставку Батгя, Федоры тут ещё не было. Иначе он непременно встретился бы с ней, и летописцы это отметили б. В начале следующего года Киев посетил Плато Карпини. Он также не упоминает, что в городе (среди встреченных там «знатных лиц») находится княгиня, хотя провожавший его в путь и даже выделивший провожатых Василько Романович должен был бы указать ему на это важное обстоятельство.

Говоря о Федоре, и предполагая, что она была женой Михаила Всеволодовича, трудно отрешиться от мысли, что речь идёт всё о той же дочери Романа Мстиславича от его брака с дочерью великого князя Рюрика Ростиславича, которая упомянута в летописи под 1188 г. Вынашивая планы овладеть галицким столом, Роман Мстиславич решил использовать для этой цели брак своей дочери и сына Владимира Ярославича:

Романъ же Володимерьскыи Мьстиславичъ сватаса с нимъ (Владимиром — П. Т.)
. и да дщерь свою за сна его за старъишаго⁹.

Зная, что «мужи галичкыи» немирны с князем, Роман начал подстрекать их против Владимира. В результате тому пришлось бежать из Галича в Венгрию. Летописец записал, что он взял с собой жену и двух сыновей, а «Романовноу . Феод¹⁰роу» «ѡтнаша оу Володимѣра» галичане¹⁰. Брак этот был политический, Федора и старший сын Владимира Ярославича были ещё детьми 7–8 лет. Случай не редкий во внутридинастических браках¹¹.

Второй, и уже взрослый брак Федора заключила с Михаилом Всеволодовичем¹². В летописи это событие не нашло освещения, и мы не знаем, когда оно произошло. Можно только полагать, что и на этот раз со стороны Романа не обошлось без политического расчёта. Михаил был старшим сыном Всеволода Святославича, князя черниговского, и дочери польского короля Казимира II Справедливого. Брак между Всеволодом и польской принцессой состоялся в 1179 г. по инициативе Святослава Всеволодовича:

Въ то же лѣѣ . приведе Сѣтославъ за Всеволода . за середнего сна женоу из Лаховъ
. Казимѣрноу во Филипово говѣнье¹³.

Из приведённых известий можно заключить, что Федора и Михаил были примерно одного возраста¹⁴. К моменту смерти мужа ей могло быть не более 66 лет. Для древнерусского средневековья возраст почтенный, но не исключивный, особенно для женщин.

Некоторую неопределённость в предложенную интерпретацию вносят известия *Любецкого* и *Киевского синодиков*, в которых к жене Михаила Черниговского приложено два имени: Елена и Феофания. Д. Домбровский

полагает, что оба они находятся в *Любецком синодике*, только Феофания была замужем за Олегом Святославичем, в крещении Михаилом. В исторической литературе, согласно историку, присутствует также мнение, что жена Михаила носила имя Марии или Феодоры, но они, как ему кажется, совершенно безосновательны¹⁵. Правда, не более основательными являются и сведения поздних синодиков, будь то *Киевского* или *Любецкого*. Это признает и Д. Домбровский, утверждающий, что из-за невозможности достоверного решения данной проблемы он выражает свои «довольно существенные сомнения квадратными скобками и сопровождает их знаком вопроса»¹⁶. При этом почему-то безоговорочно принимает предположение Иеронима Грали, что княгиня Михайлова была старшим ребёнком Романа от его второй, византийской жены и, возможно, родилась между 1199 и 1201 гг.¹⁷ Хотя для такой версии ни у него, ни у И. Грали нет даже и таких сомнительных источников, как *Любецкий синодик*.

Если придерживаться существующих свидетельств, что единственно корректно, то следует разгадывать историю не воображаемых дочерей Романа Мстиславича, не названных в источниках, а реальной — Федоры, чему и посвящена данная заметка.

При чтении текста о посылке икон из Киева в Холм возникает ещё один вопрос. Почему из Фёдоровского монастыря? Новейший комментарий к *Галицко-Волынской летописи* утверждает, что указание на него появилось под пером переписчика в результате удвоения имени Федоры и ошибочного прочтения словосочетания «сестра Фёдора» как «монастыря Фёдора». В подтверждение этого он приводит текст *Хлебниковского списка*, где свидетельства о Фёдоровском монастыре нет:

оукраси же иконы еже принесе ис Кыева . каменіемъ драгы^м . и бисеро^м и злато^м .
и обра^з спѣсовъ и прѣтыа бѣа иже вда емоу сестра Феѡв^ара и иконоу^ж принесе . из
Ооурочеего . Оустретеніе . ѿца¹⁸.

Вполне возможно, что текст *Хлебн.* действительно ближе к протографическому. Но отсутствие в нём указания на Фёдоровский монастырь не снимает вопрос: откуда? Киев разорён татарами, иконописной мастерской в нём, определённо, не было. Наиболее реально было взять иконы в одном из киевских храмов, действовавших в это смутное время или пребывавших в запустении. Логично предположить, что из того, который был фамильным для Даниила и его сестры Федоры. Таким являлся Фёдоровский монастырский храм, построенный Мстиславом Владимировичем в 1129–1132 гг. и ставший местом упокоения самого Мстислава и его наследников. В Фёдоровском монастыре был погребён дед Даниила и Федоры Мстислав Изяславич.

Для нас важен рассказ о последних днях Ростислава Мстиславича, прадеда Федоры с материнской стороны. Князь завещал похоронить его «въ штни . блѣвнѣи оу стѣго Федора». Воля его была исполнена: «вложенъ бы^ѣ . въ гробъ

. оу с̄тго Фешдора въ ѡтни ему манастири»¹⁹. Одна деталь этого рассказа привлекает особое внимание. Предчувствуя скорую смерть, Ростислав, именуемый здесь своим крестильным именем Михаил, «нача мл̄тву творити . зра къ иконѣ с̄тои Б̄ци», а затем «възрѣвъ на икону самого Творца . нача г̄лати тихо⁴ гл̄мь». Именно такой набор икон — Богородицы, Спаса и св. Михаила прислала Даниилу сестра Федора.

Исходя из этого, иконы и колокола из храма Св. Фёдора были для Федоры и Даниила семейными реликвиями, и это обстоятельство даёт основание полагать, что они были привезены в Холм именно оттуда. Так что, если свидетельство о Фёдоровском монастыре и было литературной ошибкой редактора, то это тот случай, когда она оказалась промыслительной.

В пользу этого свидетельствует также указание на то, что иконы в Холм были принесены и из Овруча: «и иконоу* принесє . из Ооуроучеего . Оустрєтеніє . ѡца»²⁰. Овруч, как известно, являлся второй княжеской резиденцией Рюрика Ростиславича, родного деда Федоры. Тут венчались её родители — Роман Мстиславич и дочь Рюрика Предслава. Поэтому выражение *Inam.* о том, что иконы из Овруча были «ѡ ѡца его», следует понимать не в буквальном смысле, а в переносном — как отцовское наследие. Не исключено, что названная икона Сретения могла быть или венчальной для родителей Федоры, или их вкладом в церковь Св. Василия.

Разумеется, предложенная интерпретация является гипотезой, но, как кажется автору, при современном состоянии источниковой базы, она наиболее адекватно отражает исторические реалии. Из разрозненных летописных упоминаний сестры Даниила и Василька, в двух случаях — с именем Федора, восстанавливается, по возможности, её полная биография.

1 ПСРЛ 2: 844.

2 ПСРЛ 2: 843.

3 ПСРЛ 2: 789.

4 ПСРЛ 2: 844.

5 ПСРЛ 1: 469.

6 ПСРЛ 2: 782–783.

7 ПСРЛ 2: 783.

8 ПСРЛ 2: 783.

9 ПСРЛ 2: 660.

10 ПСРЛ 2: 660.

11 Согласно исследованию Д. Домбровского, Федора Романовна родилась ок. 1182–1184 гг., а умерла между 1241–1253 гг., см.: Домбровский Д. *Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.)*. Санкт-Петербург, 2015, 302.

12 Д. Домбровский, комментируя свидетельство *Inam.* о посылке Федорой икон Даниилу Романовичу из Киева, полагает, что эта констатация открывает альтернативные интерпретации дальнейшей судьбы княгини (например, вступления во второй брак). Домбровский Д. *Генеалогия Мстиславичей*, 302.

13 ПСРЛ 2: 612.

14 Дату рождения Михаила Всеволодовича определяют как 1179 г., или вскоре после него, см.: Dimnik M. *Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kyiv, 1224–1246* (Toronto, 1981), 7.

15 Домбровский Д. *Генеалогия Мстиславичей*, 306.

16 Домбровский Д. *Генеалогия Мстиславичей*, 306.

17 Домбровский Д. *Генеалогия Мстиславичей*, 305.

18 *Галицько-Волинський літопис. Текстологія*. За ред. О. П. Толочка. Київ, 2020, коментар О. П. Толочка до ПСРЛ 2: 844.

19 ПСРЛ 2: 532.

20 ПСРЛ 2: 844.

Пётр Толочко

«Люде во ярыцѣхъ» (З коментаря до *Галицько-Волинського літопису*)

Один з епізодів *Галицько-Волинського літопису*, що стосується сюжету Данилових втручань у боротьбу за австрійську спадщину, змальовує зустріч князя з угорським королем Белою IV поблизу Пожгу (Братіслави)¹. Дослідників текст приваблював «реалістичними» деталями опису вбрання Данилового та його дружини. Щоправда, з'ясувалося, що цей фрагмент «галицької» частини літопису зазнав суттєвого редагування з боку «волинського» автора, і екзотичні подробиці одягу князя й обладунку його воїнів як раз і належать до пізнішого шару тексту². Літопис стверджує, що сам Данило був одягнений «по вбычаю роу^скому», натомість його дружина страхітливо нагадувала монгольську армію:

Данило же приде к нему . исполчи вса люди своѣ . Нѣмци же дивашеса в оружью Татарьскомоу бѣша бо кони в личинахъ . и в коарѣхъ . кожаныхъ . и люде во ярыцѣхъ . и бѣ полковъ его свѣтлость велика . ѿ оружья блистающоса³.

Нас будуть цікавити названі тут предмети обладунку. Простіше з «личиною». Слово цілком слов'янське, з прозорою етимологією, і хоча в цьому значенні, схоже, є гапаксом⁴, трактується як захисна маска («налобник»), що її одягали на коня. Важче з двома іншими термінами. Обидва слова також гапакси. І. І. Срезневський залишив слово «коарь» без коментаря, новітній словник подає (помилкове) визначення «деталь кінської збруї»⁵. Якщо запропоновані етимології слова сумнівні⁶, а переклади приблизні⁷, зрозуміти, який предмет ховається за ним, усе ж можливо. Джованні дель Плано Карпіні досить детально описав шкіряні кінські обладунки монголів, хоча й не подав їх спеціальної назви⁹. Очевидно, це й були «коарѣ кожаньи»⁸.

У випадку «яриків» текст літопису не подає жодних підказок, крім того, що в них були зодягнені люди. Срезневський контекстуально тлумачив «ярыкъ» як «латы»¹⁰. Коментуючи наше місце *ГВл*, М. Ф. Котляр справедливо відкинув можливість перекласти слово як «кольчуга»¹¹, натомість ствердивши: «Так само [тобто подібно до згаданих вище коней — *О. Т.*] й верхники були в легких і міцних шкіряних латах — “ярицах”»¹².